

В. ВАРШАВСКИЙ

В. Сирин. «Подвиг»

Издательство «Современные записки», 1932

Очень трудно писать о Сирине: с одной стороны, это молодой писатель, в то же время — признанный «классик».

И вот не знаешь, что сказать: очень талантливая, но мало серьезная книга — если молодой писатель, безнадежное снижение «духа» — если классик.

Сирин критику часто ставят рядом с Буниным. Бунин несомненно связан с концом классического периода русской литературы. Как словесное искусство творчество его стоит на уровне самых высоких образцов, даже приближается к какому-то торжественному совершенству, которого, может быть, и раньше ни у кого не было. Иногда кажется, что и Толстой так хорошо не описывал «пейзажи». Но в то же время иссякло великое и страшное волнение, из-за которого родилось творчество Толстого и Достоевского (иностранцы, вероятно, все-таки правы, говоря Tolstoy и Dostoievsky, как только заходит разговор о русской литературе). И все же у Бунина есть что-то подкупающе величественное, что-то надменно-архаическое. Это творчество человека вымирающей, неприспособившейся расы. Последний из могикан.

Побеждает раса более мелкая, но более гибкая и живучая. Именно какое-то несколько даже утомительное изобилие физиологической жизненности поражает, прежде всего, в Сирине. Все чрезвычайно сочно и красочно, и как-то жирно. Но за этим разлившимся вдаль и вширь половодьем — пустота, не бездна, а плоская пустота, пустота как мель, страшная именно отсутствием глубины.

Как будто бы Сирин пишет не для того, чтобы назвать и сотворить жизнь, а в силу какой-то физиологической потребнос-

ти. На это скажут «ну и хорошо, и птицы так поют». Но человек не птица.

Искусство как отправление некоторой природной функции — вероятно, вполне законно. От живописи, например, кажется и не принято требовать большего. Но после «Толстого и Достоевского» позволительно думать, что литературе суждена другая судьба.

По-видимому, в древности литература была близка к мифологии, соприкасаясь с тем, что Бергсон назвал «статической религией»¹. Лучшие писатели христианской эры как бы прорывались в область, близкую к абсолютной религии. Одним из последствий этих двух опытов было появление чисто формальной литературы, искусство хорошо писать. Постепенно это «функциональное» искусство стало чем-то самостоятельным, отделившись от того душевного волнения, которое его родило. Появился ряд писателей, успешно овладевших этим определенным искусством, но им и во сне не снилось все то духовное творчество, одним из производных, вторичных результатов которого оно явилось.

Как бы хорошо такие писатели не писали, все это ни к чему.

Должен сказать, что именно таким писателем мне представляется пока Сирин.

Читая «Подвиг», я все время чувствовал, что это очень хорошо и талантливо написано. Правда, мне не очень нравилось. Пруст говорил, что обыкновенно любят тех писателей, в которых узнают самого себя. В хороших писателях узнает самих себя, свою жизнь большинство людей. Читая Сирина, сквозь некоторую экзотичность его образов, я все-таки узнавал непосредственные перцепции пяти чувств. Но дальше уже ничего нельзя было узнать.

Одно время мне показалось, что «идея» романа в том, что герой понимает невозможность и несправедливость индивидуального личного счастья и приходит, как к единственному спасению, к «подвигу», к отдаче себя в неосознанной любви к чему-то важному и существенному и именно теперь имеющему особенный интерес. Но я скоро должен был убедиться в необоснованности и произвольности моего предположения. Никакого «жизнеучения» в основе романа нет. Это как бы сырой материал непосредственных восприятий жизни. Эти восприятия описаны очень талантливо, но неизвестно для чего. Все это дает такой же правдивый и такой же ложный, ни к какому постижению не ведущий мертвый образ жизни, как, например, ничего не объясняющее, лишенное реальности, графическое избоб-

ражение движения. Хорошо написано, доставляет удовольствие. Но дальше ничего. Читателя приглашают полюбоваться и это все. Его никуда не зовут. После чтения в его душе ничего не изменилось. Живописец или кинематографический оператор из Сирина вышел бы, вероятно, очень хороший, но вряд ли ему удастся создать *un nouveau frisson* *.

Может быть это и объясняет повсеместное признание Сирина в вечно существующей и неизбежной академии.

Темное косноязычие иных поэтов, все-таки, ближе к настоящему серьезному делу литературы, чем несомненная блистательная удача Сирина.

* Новое содрогание (*фр.*) — *Ред.*